

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБЕНИИ ЗАЖИВО ЗАБОЛЕВШИХ ХОЛЕРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В XIX В.

Сытько Кирилл Валерьевич
к.и.н., старший научный сотрудник
Центральная научная библиотека
им. Якуба Коласа
Национальной академии наук Беларуси

Аннотация: В статье рассматриваются случаи погребения заживо заведомо живых заболевших холерой на территории Беларуси в XIX в. Опровергается бытующее в историографии мнение о ритуальности всех без исключения подобных инцидентов. Приводятся аргументы в пользу того, что значительная часть случаев погребения заживо осуществлялась вследствие боязни заболеть и попытке максимально оградить общество от заболевших холерой.

Ключевые слова: Погребение заживо, эпидемии, холера, холерные ямы, суеверия.

ON THE QUESTION OF BURYING ALIVE CHOLERA IN BELARUS IN THE 19TH CENTURY

Sytsko Kiryl W.

Abstract: The article deals with cases of burial alive of obviously alive cholera patients on the territory of Belarus in the 19th century. The opinion prevailing in historiography about the ritual nature of such incidents is refuted. Arguments are given in favor of the fact that a significant part of these cases occurred as a result of fear of getting sick and an attempt to limit cholera patients as much as possible from the rest of society.

Key words: Burial alive, epidemics, cholera, cholera pits, superstitions.

Летом 1831 г., в самый разгар эпидемии холеры, в д. Лугомовичи (сейчас – Ивьевский район Гродненской области), которая была приписана к римско-католическому приходу в м. Дуды Вишневого деканата Виленской диоцезии,

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

произошло событие, не вписывающееся в рамки христианской гуманистической традиции.

По приказу владельца фольварка Лугомовичи, местного шляхтица Самюэля Волка, в холерной яме в полутора километрах от населенного пункта захоронили трупы жертв эпидемии холеры: крестьян Михаила Коровайчика, его супруги Крестину и их старшей дочери (имя не указано). Вместе с ними было решено предать земле ещё живого 10-летнего сына Михаила и Крестины Антония Коровайчика (согласно метрической книге дудского костёла, крещён 17.09.1822 [1, л. 71об.]). Антоний, когда его везли на телеге, смог убежать и спрятаться в жите, в котором провёл несколько дней. Впоследствии он выздоровел, дожил до 77 лет и скончался 27.05.1900 [2, л. 46об.].

Несмотря на то, что дело было предано некоторой огласке, а в обиход были введены нормы, регламентирующие погребение умерших от холеры и наказание за нарушение этих норм [3, л. 1–2об.], за данный инцидент никто не был наказан. Более того, если верить воспоминаниям местных жителей (которые верифицированными не являются), погребения заболевших заживо происходили и далее. Данный факт оброс легендарными сведениями и в местной народной традиции превратился в целый ряд рассказов о призраках. Так, ксёндз Сикст Ганусовский в 1934 г. записал несколько «свидетельств, данных под присягой», согласно которым на месте холерной ямы вплоть до 1920-ых гг. прихожане его костёла видели то чёрного быка, который растворялся в воздухе, то плачущего призрачного ребёнка [2, л. 70об.].

Как показал анализ исторических источников, выше описанный инцидент является не единичным в своём роде. Всего верифицированных документами случаев совершения попыток произвести погребение заведомо живых людей на территории белорусско-литовских губерний Российской империи XIX–начала XX вв., насчитывается порядка 30. Так, согласно этнографу и фольклористу А.К. Сержпутовскому, некоего заболевшего холерой жителя в одной из деревень Слуцкого уезда схватили у него дома и живьём похоронили в яме во время эпидемии 1831 г. [4, с. 204]. Согласно материалам, хранящимся в Национальном историческом архиве Беларуси, в д. Столовичи (сейчас – Барановичский район Брестской области) по распоряжению местного фельдшера Антония Дубко было произведено погребение 66-летней Люции Ивановны Манько, которая хоть и была больна холерой, но, по словам местного священника, шла на поправку. Причиной инцидента являлось то, что Манько, по мнению местных жителей, могла распространять «моровое

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

зловоние» [5, л. 8–9об.]. В 1871 г. была предпринята попытка похоронить заведомо живую жительницу д. Торкачи (сейчас Дятловский район Гродненской области) Марцеллу Моисейчикову [6, с. 67].

Многие исследователи считают подобное поведение местных жителей в периоды распространения заразных заболеваний исключительно ритуальным шагом, вызванным суевериями [6, с. 66]. Мы считаем, что попытки подвести все без исключения инциденты с погребением заживо холерных больных под ритуально-обрядовый контекст не имеют под собой оснований. Данное предположение основано на определении дефиниции ритуала как выработанного обычаем установленного порядка свершения чего-либо [7, с. 1124]. Т.е. для установления ритуальности необходим ряд факторов – действие, совершаемое в неизменной форме на протяжении длительного отрезка времени; символизм данного действия; утрата его утилитарной функции и т.д.

В данном контексте можно говорить о том, что, например, погребение заживо священнослужителей [8, л. 1–29], которое пытались осуществить крестьяне в разных населенных пунктах на протяжении нескольких веков в случае «маравой пошасці», либо захоронение живьем детей женского пола с верой в то, что холера прекратится [9, с. 65–66], можно назвать ритуальными действиями. В тоже время большое количество инцидентов, связанных с погребением заживо, ритуальными считаться не могут по причине отсутствия необходимых ритуальных атрибутов.

Более того, установлено, что авторы, которые приписывают всем без исключения случаям погребения заведомо живых ритуальный смысл, в качестве источников использовали периодическую печать, которая заметно искажала факты по сравнению с материалами, хранящимися на данный момент в архивах. Так, в ситуации с Л.И. Манько инцидент оброс множеством фактов.

В прессе появились сведения, что Манько пригласили для чтения молитв над гробом умершего и скинули её в яму якобы потому, что фельдшер Антоний Дубко заявил, что «...где-то зарыли живую старуху и оттого холера прекратилась...» [9, с. 63–64]. Согласно же рапортам из официального дела, Манько, у которой присутствовали очевидные признаки болезни, нашли по дороге на кладбище сидящей у обочины и решили её закопать заодно с погибшими от холеры.

Необходимо думать, что корни подобного поведения в период распространения инфекции кроются в отношении общества к заболевшим. Вся

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

история европейской цивилизации непременно связана с эпидемиями, которые значительно влияли на динамику роста человеческой популяции и социальное восприятие болезни. Если в Раннем Средневековье это была лепра со своими лепрозориями, страхом перед больными, то позже лепру вытеснили венерические заболевания, холера, оспа, испанка и т.д. При этом неважно, какая болезнь циркулировала в популяции, они объединялись общей системой практик исключения заболевших из социальной группы; ограничением в правах и непременно созданием вокруг больного некоей сакральной ауры неприкосновенности, а также тяжелой реинтеграцией выздоровевших обратно в социум [10, с. 26–27].

Стоит думать, данные практики исключения заболевших из общества и создания ауры неприкосновенности могли принимать достаточно антигуманные формы и выливаться в том числе в приведенные выше способы избавиться от них. Дополнительным примером подобного поведения являются сведения записей А.К. Сержпутовского, согласно которым жители белорусского Полесья считали, что для того, чтобы холера не распространялась, необходимо при выявлении первого заболевшего сразу же живьем закопать его в яме [11, с. 292]. Логично предположить, что в народном понимании подобные меры виделись как наиболее эффективные – холерный больной сепарировался из социума, а болезнь, которая согласно утверждениям МВД “сообщается... посредством воздуха” [12, с. 35], изолировалась в холерной яме под толстым слоем земли.

Таким образом, необходимо полагать, что во время вспышек эпидемии холеры в XIX в. в некотором количестве населенных пунктов одним из методов борьбы с распространением заболевания среди крестьян являлось погребение страдающих от холеры заживо. При этом, во многих подобных случаях следует говорить не о народных ритуалах, основанных на суевериях, но об объективных попытках оградить социум от заболевших, а также о некоей народной рациональности, пусть и носящей антигуманный характер.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (Грант № Г21М-011).

Список литературы

1. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБГр). – Ф. 205. Оп. 1. Д. 3.
2. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 694. Оп. 5. Д. 1246.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 21560.
4. Легенды і паданні / склад. М. Я. Грынблат і А. І. Гурскі. – Мінск : Беларус. навука, 2005. – 552 с.
5. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 26669.
6. Георгиевский Э. В. Обрядовые (ритуальные) преступления русских крестьян // Э. В. Георгиевский / Сибирский юридический вестник. – 2006. – №2. – С. 66–71.
7. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
8. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 8886.
9. Гайдучик В. Н. О чрезвычайных народных средствах «борьбы» с эпидемиями / В.Н. Гайдучик // Таинственная Беларусь III : материалы конференции (Минск, 22 января 2017 г.) : Уфоком, Минск, 2017. – С. 55–75.
10. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 576 с.
11. Сержпутоўскі А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае выдавецтва, 1998. – 301 с.
12. Смирнова Е. М., Ерегина Н. Т. «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX веков) // Е. М. Смирнова, Н. Т. Ерегина / Новый исторический вестник. – 2021. – №2 (68). – С. 33–48.